

прежде всего вспоминается блестящая творческая деятельность Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова, А. В. Неждановой — русского артистического «созвездия». Но в то же время совершенно очевидно, что до революции на сцене «императорского» Большого театра многие крупнейшие классические произведения не получили подлинного звучания. Эту почетную миссию выполнял советский оперный театр.

Общезвестно, что советские постановки «Ивана Сусанина» в Большом театре и других крупнейших оперных театрах страны, в сущности, означали второе рождение оперы Глинки. Чиновники императорского двора, насаждавшие и оберегавшие придворно-аристократическое искусство, приложили немало усилий, чтобы превратить «Ивана Сусанина» в казенное, «верноподданническое» произведение, чтобы вытравить из него народный дух. В наши дни на сцене Большого и других оперных театров страны «Иван Сусанин» зазвучал по-глинковски, как могучая, глубоко человеческая песня народа о героическом подвиге, душевной красоте простого крестьянина, как гимн доблести и патриотизму русского человека.

А гениальные народные драмы Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина»? Разве они не обрели кипучую, полнокровную жизнь на сцене Большого театра только в наше время? Не личная трагедия Бориса, а величественный и грозный образ народа — вот что стало центральным в спектакле. Народная стихия оперы выявлена, живет в нем свободно, широко, определяя характер всего произведения. И эпиграфом к спектаклю могут служить известные слова Мусоргского, написанные им на клавире оперы «Борис Годунов»: «Я разумею народ, как великую личность, одушевленную единой идеей». В «Хованщине» театр снова прекрасно почувствовал особенности творчества Мусоргского, его высокий драматизм, глубочайший интерес и любовь к человеку, его страстное стремление к правде («как бы она ни была солона»), его желание постичь сокровенное, самое сильное и главное в отдельных человеческих характерах и в жизни народных масс. Театр, следуя за Мусоргским, убедительно воплотил драму народную, стремления и чаяния простых людей, их стихийное, еще неосознанное чувство протеста, показал обреченность боярской старины и новые крепнущие силы петровской Руси. Свежим, очищенным от «оперной» мишуры, максимально приближенным к мысли композитора предстал перед зрителями-слушателями «Садко» Римского-Корсакова, а также ряд других русских и иностранных классических опер. И самое ценное, что нашему оперному театру удалось достичь во многих спектаклях, заключается в ярком, концентрированном воплощении образа народа, носителем которого у русских классиков является хор. Понятно, что «вторая жизнь» классических музыкальных произведений потребовала соответствующих художественных средств. В наших оперных спектаклях необычайно возвысилась роль хора как единого целого, полного разнообразия и философски обобщенного музыкально-сценического образа; актерское и вокальное исполнение, слитое в одно целое, обрело большую глубину, гармонию, стало более проникновенным; все усилия участников музыкального спектакля — дирижера, режиссера, актеров-певцов, оркестра, хора, художника — направлены к одной цели: открыть зрителю-слушателю прямой и непосредственный путь к богатствам музыки, снять все преграды, мешающие наиболее полному, эмоционально-насыщенному ее восприятию.

Бережному отношению к классическому наследию, глубокому, вдумчивому его освоению нас повседневно учат Коммунистическая партия, гениальные вожди В. И. Ленин и И. В. Сталин. Великим заветом звучат для всех деятелей искусства, для всех советских людей слова